

Линь Чжэнсюань словно черепаху перевернули на спину, но он всё равно упрямо поднялся, вскарабкавшись на кровать на четвереньках:

— Позволь мне переночевать, я обещаю, что ничего не сделаю. Если не веришь — свяжи.

Инь Мэйсюэ закутался в свою расстёгнутую одежду и с ненавистью выкрикнул:

— Нет!

— Согласись, и те три тысячи лянов спишем.

— ...

— Мэйсюэ, что ты так упрямишься? — Линь Чжэнсюань, воспользовавшись его колебаниями, взобрался на кровать, обняв за плечи. — Я действительно сомневался тогда, мы же всегда были как братья, поэтому не сразу сообразил. Но за эти дни я всё понял... Инь Мэйсюэ, я правда тебя люблю. Даже если ты сейчас меня не любишь, я тебя не отпущу!

В полумраке ночи его глаза-фениксы блестели слезами:

— Разве ты не любил женщин? Ты снова меня обманываешь? Если это из-за чувства вины, то не надо, мне не нужны такие утешения и компенсации...

— До того как полюбить тебя, я тоже думал, что люблю женщин. — Линь Чжэнсюань нежно вытер слёзы у него на висках. — Инь Мэйсюэ, даже если ты превратишься в дерево, я буду с тобой все четыре сезона. Ты зацветёшь — я обрадуюсь, облетит листва — я опечалюсь. Даже умру — прах свой закопаю у твоих корней, чтобы вместе на небо смотреть, навеки соединёнными быть.

— Чёрт, такими словами ты, наверное, тех женщин и дурил? — Инь Мэйсюэ наконец разрыдался, словно выплёскивая всю накопившуюся обиду.

Ц-ц, этот старый монах и вправду мастер любовных дел, парой фраз разрушил все защиты... Линь Чжэнсюань, развивая успех, обнял рыдающего и принялся утешать:

— Эти слова я больше никому не скажу.

— Среди тысяч цветов, в роще из трёх тысяч мэйхуа, я сорву лишь одну ветвь — тебя, Инь Мэйсюэ.

Инь Мэйсюэ внезапно был поцелован, всё тело его дрогнуло, и он в панике отпрянул:

— Нельзя, здесь храм, я... я не могу нарушать обеты.

— Ты делаешь это по принуждению, это не нарушение. — Линь Чжэнсюань усмехнулся, уткнувшись лицом в его шею и глубоко вдохнув аромат белого сандала. — Ад мне сходить, в кипящее масло окунуться — на любое наказание богов и будд я согласен.

— Даже если после этой ночи мне суждено навеки погрузиться в зло и не иметь спасения, Линь Чжэнсюань не пожалеет.

Инь Мэйсюэ крепко сжал его руку, дрожа от напряжения.

— Я с тобой.

Куда бы ты ни пошёл, в высшие сферы или в жёлтые источники, сквозь горы из мечей и море огня — я с тобой.

Прошлое рассеялось, будущая жизнь туманна, лишь нынешняя может нам быть вместе. Если не суждено стать буддой — станем демонами вместе...

Лунного цвета шёлковый халат сполз с плеч. Линь Чжэнсюань прикоснулся к коже, белой, словно тонкий фарфор, и в душе невольно возникло недоумение: Чёрт, это точно мужчина?

Но плоская и гладкая грудь уже говорила ему, что под ним не женщина, а крепкие, упругие мышцы живота источали чисто мужскую энергию, а дальше... Линь Чжэнсюань окончательно приуныл.

Чёрт, он всегда своим достоинством гордился, но в сравнении выходит, что у Инь Мэйсюэ куда внушительнее...

Ладно, если аппарат не дотягивает, компенсируем техникой.

В своём мастерстве Линь-дася всё же был уверен — по крайней мере, после нескольких ласк тот уже постанывал, чувствовалось, что тело внизу вот-вот вспыхнет. Но затем возникла проблема: задний проход Инь Мэйсюэ был слишком тесным, даже два пальца не входили, а его оружие, даже будь оно тренировано в искусстве сжатия костей, — никаких шансов!

— Мэйсюэ, не напрягайся так, расслабься... Ты напрягаешься — я, чёрт возьми, тоже нервничаю...

Инь Мэйсюэ на самом деле испытывал некоторую боязнь перед мужскими прикосновениями, плюс это был первый раз с любимым, он уже стыдливо увлажнил глаза, щёки порозовели, даже пальцы на ногах сжались от судороги.

Линь Чжэнсюаню пришлось начать прелюдию заново, нежно целуя его глаза, брови и тонкие губы, задерживаясь на красной мэйхуа у виска. Одной рукой он до предела возбуждающе

потирал слегка поднявшиеся красные бобы, другой — скользил вдоль чёткой линии живота вниз, мягко обхватывая стояк между его ног.

— Не... не надо... — Инь Мэйсюэ от его ласк уже не мог сдержать чувств.

Линь Чжэнсюань остановил руку, злорадно усмехнувшись:

— Правда не надо?

Тот лицом пылал, голос был тонок, как комариный:

— Не надо... не останавливайся...

— Угу, запомнил, не останавлиюсь... — Линь Чжэнсюань поцеловал его кадык, прикусил чувствительное место на груди, спустился ниже и в конце концов взял в рот... Инь Мэйсюэ почувствовал, как вся кровь с грохотом прилила к лицу.

— Боже, не надо...

— Угу, знаю, не останавливаться. — Линь Чжэнсюань пробормотал невнятно.

Инь Мэйсюэ, с трудом сдерживая наслаждение между ног, вцепился руками в простыни. Нежное обволакивание губами и языком — искушение, которому не может противиться ни один мужчина; в момент, когда его начали сосать, он несколько раз был на грани срыва, сильнейший стыд и развратность сплетались в сознании в огонь.

Линь Чжэнсюань не зря флейтистом был, искусство оральных ласк у него просто высший класс — не прошло и нескольких минут лизания и сосания, как Инь Мэйсюэ уже рыдая кончил.

Тут кое-кто обрёл равновесие. Хм-хм, большой размер — не главное, главное — летать дольше...

Вымазав пальцы в липкой жидкости снизу, он снова проник в тёмный проход. Со смазкой расширять стало куда легче. Линь Чжэнсюань непрерывно двигал и надавливал внутри него, и когда уже примерно входили три пальца, почувствовав, как внутри становится влажно и горячо, приготовил копьё к бою, приподнялся и вошёл...

— Больно! — Инь Мэйсюэ, сморщившись, одновременно сжал ноги.

— Ёлки, ты... расслабься ещё... я ещё наполовину не вошёл... — Линь Чжэнсюаня сжало так, что он весь вспотел, он всерьёз боялся, что так и останется калекой.

Белые ягодицы были раздвинуты, из промежности донёсся приступ жёсткой разрывающей

боли. Слёзы Инь Мэйсюэ полились ручьём:

— Я не хочу, выходи скорее!

Линь Чжэнсюань поднял лицо, посиневшее от напряжения:

— Я тоже хочу выйти, блин, застрял!

Инь Мэйсюэ чуть не потерял сознание. Он и не знал, что первый раз у мужчины может быть настолько мучительным. Собрал волю в кулак, сквозь зубы процедил:

— Ты... давай сильнее, я выдержу.

Линь Чжэнсюань что было сил рванул вперёд, войдя до самого корня. Инь Мэйсюэ чуть не умер от боли, выругавшись:

— Я велел тебе посильнее вытащить, чёрт возьми!

— Блин, надо было сразу говорить.

Так и застыли они в неловкой позе один на другом.

К счастью, через некоторое время проход, казалось, привык к присутствию огромного предмета. Линь Чжэнсюань попробовал пошевелиться пару раз, почувствовал, что уже не так туго, и начал медленно входить и выходить.

Инь Мэйсюэ, следуя его движениям, дышал всё чаще, внутри постепенно становилось влажно, жарко и расслабленно, тупая боль в промежности понемногу утихала. Когда движения сверху участились, он вдруг ощутил неведомое доселе наслаждение. Словно рыба, попавшая в воду, словно ветер, ласкающий ивы. А в момент достижения пика каждый толчок был подобен волне, бьющей о скалы, возбуждая в глубинах души взрывы брызг.

В конце Инь Мэйсюэ крепко обнял Линь Чжэнсюана за шею, позволив тому излиться внутрь себя. Сердце, долго пребывавшее в пустоте, в тот миг наполнилось удовлетворением...

Три года назад северный волк замёрз собакой в южном холодном дожде, и кто-то дал ему горячую лепёшку.

Три года спустя тот же человек добавил ему мясной колбасы.

Спустя три года волк наконец наелся.

Прильнув к тёплому груди того человека, Инь Мэйсюэ закрыл глаза, словно услышав за окном

звук распускающихся нефритовых бутонов.

Мэйхуа зацвёл поздно, но аромата достаточно.

Промчался холодный ветер, взметнув иней с черепицы; висевшая на карнизе сосулька вдруг сорвалась и, словно меч, прямо воткнулась в толстый снежный сугроб, стоя не колеблясь.

За окном наступила самая холодная ночь двенадцатого месяца, а в комнате царила весенняя атмосфера, и мэйхуа цвёл несколько раз.

Соседний монах не спал всю ночь.

...

На следующее утро.

— Настоятель, этот У Мэй совсем обнаглел! Не только нарушил обет целомудрия, но и ночевал с женщиной. Если не наказать строго, как мы сможем поддерживать порядок?! — Настоятель зала для монахов стоял перед лысым старым монахом.

Старый монах по-прежнему сидел, прислонившись к стене, щурясь на солнце, время от времени вылавливая из одежды блох и отпуская их. Выслушав слова монаха, он кивнул и спросил:

— Согласно уставу, как следует наказать?

— Триста ударов бамбуком, три месяца стояния на коленях с благовониями, три года покаяния в зале размышлений о наказаниях, плюс принудительные работы на полях...

— Эх, слишком хлопотно... Просто изъять монашеское удостоверение, исключить из монастырского списка и выгнать из храма. — Тот махнул рукой, нечаянно выпустив лоснящуюся чёрную крысу, отчего настоятель зала чуть не подпрыгнул.

— Но разве это не значит позволить У Мэю вернуться в мир?

<http://bllate.org/book/15303/1352405>